

История социологии

© 2020 г.

И.Ф. КОНОНОВ

СОЦИОЛОГИЯ В СССР (конец 1920-х – 1980-е гг.): СМЕНА КОНВЕНЦИЙ И ЭКЗЕГЕЗА ЛЕНИНСКОГО ТЕОРЕТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

КОНОНОВ Илья Федорович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, Старобельск, Украина (kononov_if@ukr.net).

Аннотация. Проанализировано развитие марксистской социологии в СССР от сталинской «революции сверху» до перестройки. Марксистская социология в Советском Союзе двигалась по траектории с двумя подъемами и спусками и со слабой преемственностью между этапами. Для каждой волны характерны специфические отношения социологии с властью, с идеологией и другими науками об обществе. Второй этап начался с возрождения интереса партийной и государственной элиты к эмпирической информации прикладного характера. Если на первом этапе социология марксизма преимущественно была теоретической дисциплиной, то с 1960-х гг. возникло развитие эмпирических социологических исследований. На первом этапе сложности формирования конвенции о месте социологии среди наук об обществе создали философы, разрабатывавшие концепцию «ленинского этапа в развитии марксистской философии». Второй этап отличался перевесом эмпирических исследований и новой экзегезой корпуса ленинских текстов. Большую роль в этом сыграл П.В. Копнин, который представил марксизм-ленинизм как систему, способную к диалогу с другими идейными системами. Это дало возможность достигнуть консенсуса о соотношении социологии и других общественных наук. Проблемным звеном этого консенсуса было соотношение социологии и исторического материализма.

Ключевые слова: «ленинский этап в развитии марксистской философии» • марксистская социология • экзегеза • П.В. Копнин • исторический материализм • эмпирические исследования • статистика • математизация социологии

DOI: 10.31857/S013216250009399-1

От дискуссии о предмете исторического материализма к социологии без социологов. Проблема соотношения исторического материализма и социологии занимала умы советских теоретиков на протяжении всего существования СССР. Решалась она по-разному. В 1920 г. были распространены две точки зрения. Первая восходила к Бухарину и предполагала, что исторический материализм есть социология марксизма. Представители второй считали исторический материализм философским учением и методологией общественных наук. Представители первого взгляда были убеждены, что он не только предметно, но и экзегетически обоснован. Они (С. Оранский) повторяли формулу молодого Ленина: «...сведение исторического материализма к методологической науке и отрицание его как общей теории социального вызвано взглядами о невозможности марксистской социологии, как самостоятельной науки об обществе» (цит. по: [Колосов, 2004: 90]).

Считавшие истмат социологией знали об обстоятельстве, которое тогда представлялось важным: «После 1890 г. самый грозный теоретический вызов марксизму был брошен складывавшимися тогда новейшими социологическими школами» [Коэн, 1988: 144]. Б. Фингерт и М. Ширвиндт парировали, что отказ на этой почве от названия «социология» равнозначен отказу от названия «философия» применительно к диалектическому материализму, ведь домарксистская философия, с их точки зрения, «ненаучна» [Колосов, 2004: 101–102].

Харьковский профессор В. Рожицын, представляя другую точку зрения, утверждал, что социология – реакционная и идеалистическая наука – рассматривает общество с буржуазной точки зрения [Колосов, 2004: 101]. Его белорусский коллега Р. Выдра говорил: «...социология не является истматом, а истмат не является социологией на основе опыта, полученного мною при изучении работ буржуазных социологов. Я беру смелость заявлять, что социология не является наукой, социология является своего рода алхимией» (цит. по: [там же: 100]).

Вопросу соотношения истмата и социологии было посвящено заседание социологической секции Общества историков-марксистов при Коммунистической академии (22 февраля 1929 г.). В. Максимовский, председатель и главный докладчик на заседании, отмечал, что в предметную область социологии сбрасывается все, что не распределено между другими секциями [Дискуссия о марксистском..., 1929: 183]. Эти слова свидетельствуют, что в 1920-е гг. не возникло устойчивой конвенции относительно предмета социологии между представителями разных общественных и гуманитарных наук. В. Максимовский относился к социологии негативно. Он сравнивал определения О. Конта и Г. Спенсера и приходил к выводу, что разницы между философией истории и социологией нет [там же: 190]. В заключительном слове он вновь акцентирует буржуазную природу философии истории и социологии.

А. Удальцов сомневался в целесообразности использования понятия «социология» применительно к историческому материализму и призывал к бдительности по поводу роста влияния идей М. Вебера. «Влияние Макса Вебера как раз оказывается в этом стремлении противопоставить социологию истории и в понимании социологии, как особой, отличной от нее науки» [там же: 207]. В выступлении П. Кушнера, признавшего социологическую природу истмата, отмечалась недостаточная проработка предметной области марксистской социологии. «По-моему, два вида наук можно назвать социологией. С одной стороны, безусловно, социологией является обобщенная теория о законах общественного развития, для нас – марксистов – эта наука совпадает с учением исторического материализма. Но исторический материализм может быть понимаем не только как теория общественного развития, но и как особый метод. [...] Теория общественного развития (исторический материализм) есть общая социология. Но есть и другое учение, более конкретное, тоже социологическое, дающее материал для обобщенной теории. [...] Это теория общественных формаций» [там же: 196]. В. Аптекарь в последнем и усматривал предмет социологии [там же: 199].

Один из специалистов по историческому материализму И. Разумовский пытался говорить взвешенно. Он высказался против противопоставления теории методу, ибо метода без теории быть не может: «В последнее время особенно сильное развитие получило определенное течение в буржуазной науке, которое выдвигает социологический метод в противовес марксистскому методу» [там же: 205]. Поэтому, с его точки зрения, лучше обходиться без термина «социология» или специально подчеркивать ее классовую природу: «Но доходить до такого маразма, чтобы бояться употреблять слово "социология" во избежание смешения с социологическим методом, конечно, было бы смешно» [там же: 205].

Ни эта, ни другие дискуссии не привели к выработке внутринаучной конвенции, которая позволила бы разграничить исследовательские поля социологического сообщества и сообществ специалистов других наук об обществе. Это было связано с тем, что социология в тот период рассматривалась как теоретическая дисциплина. И. Образцов

справедливо отмечает: «Теоретические и эмпирические исследования во многом развивались параллельно, не подпитывая и не взаимообогащая друг друга, двумя практически не пересекающимися группами исследователей: "теоретиков" и "практиков-эмпириков"» [Образцов, 2017: 145].

В 1920-е и 1930-е гг. проводилось много эмпирических исследований. Изучалась жизнь пролетарских слоев страны, других групп населения: питание в условиях гражданской войны [Филиппова, 1921], труд в условиях нэпа [Дунаевский, 1923а; Дунаевский, 1923б; Михайличенко, 2012], изменение социального состава и социальные связи шахтеров [Дубинская, 1930], потребление алкоголя [Михеев, 1929], преступность [История становления, 1989: 143–155]. Проводились исследования в Красной Армии [Образцов, 2017; Образцов, 2018]. Изучалась жизнь студентов [Жизнь современного..., 1924]. Изучалось село [Большаков, 1927] – созвучно современным постановкам социологических проблем: «В этом уникальном (неоправданно забытом) произведении обстоятельно рассматривались все аспекты жизни людей, начиная от прошлого сельских поселений до частушек, которые пели крестьяне в то время» [Тощенко, 2015: 109]. Даже в обстановке массового психоза украинские философы рапортовали, что, выполняя указания П.П. Постышева о разработке темы "Рождение нового человека", Институт философии в течение 1935 г. намечает за-кончить работу "Создание нового отношения к труду и собственности" на материалах Харьковского тракторного завода [Массовая работа..., 1934: 125]. Публиковались работы по методам обследований [Миттельман, 1929]. Эти исследования все же рассматривались как статистические. Академик В. Немчинов писал позднее: «Только статистика дает возможность изучать закономерности общественного развития с количественной стороны, а без этого соответственные общественные закономерности не могут быть познаны в их полной определенности. <...> Результаты статистических исследований широко используются в различных общественных науках» [Немчинов, 1952: 109].

Ирония истории: сталинская власть санкционировала восстановление социологии в перечне наук об обществе и признание исторического материализма социологией марксизма. В 1936 г. на страницах журнала «Под знаменем марксизма» появилась передовая «Воля советского народа», посвященная итогам московского процесса над так называемым «Антисоветским объединенным троцкистско-зиновьевским центром». Ее содержание отражает фразу: «Наша страна раздавила этих гадов, эту банду фашистских убийц» [Воля советского..., 1936: 1]. Особенно жестоко эта статья была по И. Лупполу, который пытался каяться, но его покаяние не было принято. Утверждалось, что он «не хочет считаться с тем, что меньшевистующий идеализм есть рогожное знамя, которым троцкистско-зиновьевская нечисть прикрывала свою злодейскую террористическую работу» [там же: 10]. После этого И. Луппол написал покаянное письмо, в котором смешал с грязью своего учителя А. Деборина, бывших коллег [Луппол, 1936: 190].

Знаменательной представляется статья Ф. Константинова «Социалистическое общество и исторический материализм» (1936). В ней утверждалась правомерность употребления по отношению к историческому материализму термина «социология»: «Ленин во всех своих основных работах называет исторический материализм научной, единственно научной социологией («Что такое "друзья народа"»?», «Экономическое содержание народничества и критика его господином Струве», «Материализм и эмпириокритицизм»). Иногда слово «социология» Ленин берет в кавычки, но это относится к немарксистской социологии Богданова, Бухарина. <...> Товарищ Сталин также употребляет понятие «социология» в положительном смысле» [Константинов, 1936: 47]. Делались оговорки: «Без диалектического материализма как общефилософского мировоззрения не мог бы быть создан и исторический материализм как наука об общих законах общественно-экономических формаций» [там же: 46]. Но слово «социология» возвращалось в научный оборот. Это было некое виртуальное существование социологии без социологов. В каноническом тексте сталинского времени «О диалектическом и историческом материализме» термин «социология» не употребляется. Там говорится, что в случае распространения материалистического

подхода на общественную жизнь «наука об истории общества, несмотря на всю сложность явлений общественной жизни, может стать такой же точной наукой, какой, скажем, биология, способной использовать законы развития общества для практического применения» [Сталин, 1945: 14].

Возрождение социологии и новая конвенция внутри общественных наук. О возрождении социологии в СССР как реальной науки написано много [Социология в России, 1998; Осипов, 2010; и др.]. Возрождение социологии стало возможным вследствие изменения духовной атмосферы в стране после Великой Отечественной войны, смерти Сталина и XX съезда партии. В 1930-е гг. советские теоретики говорили о распаде человечества на непримиримые социально-политические системы, между которыми отношения складываются по принципу «или, или». Это касалось и науки. Н. Бухарин в последних своих работах утверждал, что на Западе не может быть научных исследований общества, так как буржуазная «общественная наука быстро катится к научному небытию, превращается все более в простую апологию капиталистического строя» [Бухарин, 1932: 53].

Изменения в восприятии мира достаточно корректно передал философ П. Копнин: «...к капитализму нельзя подходить как к бумажному тигру или колоссу на глиняных ногах, поскольку он обнаружил некоторую жизнестойкость, приспособляемость к изменившейся обстановке» [Копнин, 1969а: 6]. Нужно учиться адекватно реагировать на изменения в мире. В процессе этого обучения и сформировалась новая эпистемологическая атмосфера, которая сделала возможным новую конвенцию общества обществоведов и новую конвенцию между властью и социологией.

Отвлекусь от событийной стороны процесса, который начался созданием в 1946 г. в Институте философии АН СССР сектора критики западных социологических концепций, двигался через создание «на экспорт» Советской социологической ассоциации (1958), создание Института конкретных социологических исследований (1968), журнала «Социологические исследования» (1974) [Социология в России, 1998: 32–39], движения энтузиастов в Ленинградском госуниверситете, Социологической лаборатории В. Ядова и т.д. Возрождение социологии стало возможным в результате перемен в партийной эlite. Ее прагматической части стало понятно, что руководить страной только по сводкам госбезопасности невозможно [Социология в России, 1998: 32]. Прагматики сориентировались на социологию гэллаповского типа, неофициально образцом социального теоретика для них стал Т. Парсонс.

Любая наука для институционализации должна определить свой предмет сама и быть признана обществом, политической элитой. Кроме этого, внутри наук, изучающих один объект, нужна конвенция о распределении сфер влияния. В советское время второе и третье условия предполагали новое прочтение ленинского теоретического наследия. Символическая фигура Ленина к началу 1960-х гг. утратила связь с реальным человеком, превратясь в символ. Огромный вклад в новую экзегезу принадлежит П. Копнину. Это было им сделано в серии работ киевского периода творчества [Копнин, 1961; 1966; 1968; 1969а] и завершено в *magnum opus* рано умершего философа «Философские идеи В.И. Ленина и логика» [Копнин, 1969б]. В некоторых текстах он специально рассматривал проблемы «социальных исследований». Субъективно П. Копнин – убежденный марксист. Он не считал нужным возвращаться к пересмотру итогов дискуссии с «меньшевистующими идеалистами» и заявлял, что «благодаря проведенной в стране огромной идеологической работе победила истинная марксистская философия – философия в ленинском понимании ее предмета и задач» [там же: 13]. Но, по сути, он предлагал переступить через это прошлое. Для него «одной из важнейших задач философской науки на данном этапе является пристальное изучение современности, внимательный анализ новейших достижений науки с тем, чтобы в категориях мышления отразить всю совокупную общественную практику» [Копнин, 1969а: 14].

Постоянным референом работ П. Копнина звучит критика марксистских догматиков: «Не затрудняя себя самостоятельным анализом острых и актуальных проблем

современности, некоторые философы брали готовые диалектические формулы и подводили под них отдельные факты из практики общественной жизни, из опыта развития науки» [там же: 114]. Он был противником превращения достижений классиков марксизма в про-крустово ложе для современной науки. «Математика, являющаяся в своем строении точной копией "Капитала", мало похожа на действительную математику» [Копнин, 1969б: 91]. Марксистская философия мыслилась П. Копнином как открытая теоретическая система, способная к диалогу с иными философскими системами. Он писал: «...ленинизм не изолирует себя не только от предшествующей культуры, но и от достижений мысли, которые имеются в современных философских и социологических течениях, отличных от марксизма и даже прямо противоположных ему. <...> И если есть что-то заслуживающее внимания в современном экзистенциализме, гуссерлианстве, неопозитивизме и т.п., то это что-то надо не предавать анафеме, а стараться понять, осознать и в критически переработанном виде включить в свой собственный синтез» [Копнин, 1982: 22].

П. Копнин был противником трактовок теории познания марксизма как современного сенсуализма, – так теорию познания Ленина трактовал И. Луппл [Луппл, 1930: 157]. П. Копнин исходил из иного понимания мышления и познания: «Мышление – особая форма отражения, возникающая в результате взаимодействия не любых двух материальных систем, а таких, одной из которых является общество» [Копнин, 1982: 263]. Этот угол зрения открывает совсем иные, нежели ленинские, подходы к отношению философии и социологии. Не только философия выступает метатеорией для социологии, но и наоборот. Без социологии подлинное философское познание мышления, его категориальной системы невозможно, ибо «без человеческого общества не может быть практической деятельности и мышления» [Копнин, 1982: 261]. П. Копнин выводов о роли социологии для философии не делал, но силлогизм им был подготовлен.

В начале 1960-х гг. П. Копнин выработал позицию по отношению к тому, что он предпочитал называть «социальными исследованиями», которой держался до конца жизни. Сами исследования он горячо поддерживал, но считал, что ими должны заниматься представители всех общественных наук. С его позиции, «социальные исследования – не замена марксистской науки об обществе, а способ ее развития, они могут служить средством развития современного социального мышления, средством борьбы против его догматизации» [Копнин, 1973: 397]. Любопытно: по этой логике и философы должны заниматься эмпирическими социальными исследованиями, так как философия «вскрывает наиболее общие законы общественного развития, т.е. является социологией» [там же: 400]. В первую очередь, говоря о философии, П. Копнин имел в виду исторический материализм. С этим связано выделение в социальных исследованиях их особой разновидности – социологических исследований: «Социологические исследования – это разновидность социальных исследований, проводимых для разработки проблем исторического материализма, являющегося социологией марксизма-ленинизма» [там же: 400]. Советский философ ориентировал на «определенный метод исследования общественных явлений, а именно изучение их путем точных количественных методов, включая моделирование социальных процессов и социальный эксперимент» [там же: 397]. В принципе, этим путем и развивалась советская социология.

П. Копнин видел разрыв между теорией исторического материализма и эмпирическими данными, обобщениями: «Цель конкретных исследований – не просто собрать факты, а создать на основе их теорию, объясняющую факты и направляющую практическую деятельность человека» [там же: 402–403]. Копнин отрицал возможность социологической теории общества рядом с историческим материализмом. «Какая возможна еще общая теория общественного развития, с какой стороны она должна его характеризовать? Думается, что места для нее не осталось» [там же: 397]. Эта позиция его оставалась неизменной, детализировались представления о разработке методологии социальных исследований: «Логико-гносеологический анализ методов социального исследования (анкетирования, интервьюирования, наблюдения и т.п.), выявление сущности и специфики

социального эксперимента, разработка проблем моделирования социальных процессов, особенностей построения социологической теории и путей ее проверки, изучение современных способов обработки полученной информации и т.п. – вот задачи тех, кто занимается методологией и методикой социальных исследований» [Копнин, 1969б: 76]. Под влиянием П. Копнина или без такового очерченная программа реализовалась социологами в советское время. Достаточно посмотреть на структуру одного из популярных учебников для социологов «Стратегия социологического исследования» В. Ядова [Ядов, 2003].

Внутринаучное признание предметной определенности социологии осуществлялось через соотнесение эмпирических исследований с историческим материализмом. В. Ядов писал: «Дискуссия о предмете социологии велась у нас преимущественно для того, чтобы вписать социологию в систему марксистского обществознания. И, прежде всего, установления связей между социологическими исследованиями и социальной философией марксизма – историческим материализмом. В итоге была выработана так называемая трехуровневая концепция социологии: исторический материализм есть общесоциологическая теория, она задает типовой способ построения частносоциологических теорий, которые в свою очередь опираются на обобщение социальных фактов» [там же: 27]. Путь был сложным, а достигнутая конвенция – непрочной.

Важную роль сыграли в первой половине 1950-х гг. работы академика В. Немчинова. Откликаясь на потребность в объективной информации для государственного управления, при жизни Сталина он обосновывает важность статистики как общественной (это он подчеркивал!) науки [Немчинов, 1952: 111]. Акцентируя общественную роль статистики, В. Немчинов писал: «Одним из важнейших приемов статистики как общественной науки является разработка своеобразной "метрологии массовых общественных явлений", т.е. установление системы статистических показателей и структуры каждого из них» [там же: 113]. Статистика структурирует социальный мир, формирует оптику его восприятия властью, обществом, другими науками. Управлять можно лишь тем, что воспринимаемо. В дальнейшем статистика часть своих функций передала социологии; к ней перешел сбор информации о проблемах общественной жизни. Выборочные исследования, получаемые в них социально-статистические факты опирались на закон больших чисел, смысл которого стал обсуждаться в философских журналах. При этом не обходилось без отсылок к В. Ленину [там же: 26]. Предметные границы социологии определялись нечетко: «Социология, кроме общих законов, изучает также специфические законы и закономерности социальной жизни, как, например, закономерности взаимоотношений различных форм сознания, закономерности формирования наций и развития национальных движений, закономерности развития классовых отношений, в частности отношений между рабочим классом и крестьянством, закономерности развития культуры» [там же: 20]. В данном случае четкость определений для автора была не важна. Главное состояло в технологической направленности этой деятельности: «При социализме социологи и экономисты превращаются в своеобразных "социальных инженеров", призванных обеспечить бесперебойное функционирование общественной жизни и неуклонное улучшение условий существования членов общества» [там же: 28].

Социология определяется не столько предметно (хотя это и не отрицается), а способом подхода к изучению социальной действительности. Она становится своеобразной машиной производства оперативной информации об обществе, основой выработки социальных технологий. Целью социальных технологий прокламируется общественное благо, способность решать общественные проблемы, не доводя их до конфликтов, тем более до катализмов. Это стало частью новой конвенции, которая *mutatis mutandis* дошла до нас в длинном электическом определении В. Ядова: «Социология – это наука о становлении, развитии, изменениях и преобразовании, о функционировании социальных общностей и форм их самоорганизации: социальных систем, социальных структур и институтов. Это наука о социальных изменениях, вызываемых активностью социального субъекта; наука о социальных отношениях как механизмах взаимосвязи и взаимодействия между

многообразными социальными общностями, между личностью и общностями; наука о закономерностях социальных действий и массового поведения» [Ядов, 2003: 36]. Конвенция была шаткой, но состоялась. Социология определялась через социальные отношения, порядки неравенств, отражение их в сознании и поведении.

Проблемным звеном конвенции были отношения социологии с историческим материализмом. Созданная концепция трехуровневой структуры марксистской социологии постоянно подвергалась сомнениям. Определенную смуту внесла статья немецкого ученого (ГДР) Ю. Кучинского, автора знаменитого вопроса о «социалистическом паровозе»: «Важной проблемой социологического исследования является вопрос о двойственном характере производительных сил, которые, с одной стороны, являются общественно нейтральными (не существует социалистических паровозов), а с другой стороны, определяют структуру общества» [Кучинский, 1957: 96]. Никто немецкому исследователю на этот вопрос ответа не дал. Тревогу вызывали совсем другие интенции. Ю. Кучинский предложил размежевать исторический материализм и социологию: «В тех случаях, когда рассматриваются отношения между сферой общества в целом и сферой природы и мышления, мы имеем дело с законами исторического материализма. Когда же рассматриваются отношения между частями общественной сферы, то я полагаю, что законы этих отношений надо называть социологическими» [Кучинский, 1957: 95]. Видимо, опасаясь, что нарушение шаткой конвенции могло спровоцировать консерваторов, советские социологи и философы высказались в массе против предложения немецкого социолога. И. Нарский подтвердил, что «исторический материализм является <...> учением о наиболее общих законах социального развития, то есть философско-теоретической основой социологических дисциплин» [Нарский, 1959: 127]. Частные социологические дисциплины изучают «частные проявления общественной формы движения материи» [там же: 127]. На тот момент эта формула превратилась в штамп.

Исследования советских социологов с 1960-х гг. стали фактором духовной жизни страны [Фирсов, 2012], что не останавливало партийных чиновников от науки, пытавшихся пересмотреть конвенцию о трехуровневой структуре марксистской социологии. П. Федосеев называл эту концепцию эклектической, настаивая на отличии социологии от исторического материализма. Для него главным был обслуживающий характер социологии: «Речь идет лишь о специфическом характере этой функции, конкретно об обращенности социологии, прежде всего, к социальным проблемам, которые решаются партийными и государственными органами; о том, что одной из первостепенных задач социологической науки является научное обобщение и освещение практического опыта, методологическая и методическая подготовка социальных экспериментов, разработка планов социального развития трудовых коллективов, сел, городов, регионов» [Федосеев, 1982: 2].

В реальном бытии социология должна включаться в общественный обмен деятельностью. Иначе она не может существовать, в нее не будет инвестиций. Общество в целом заказчиком социологической продукции быть не может. Это происходит в научных институтах (академических, университетских) и институтах власти. Социологи это понимали и пытались наладить отношения с партийными органами. Об этом говорит Ленкоранский эксперимент, в ходе которого при Ленкоранском горкоме Компартии Азербайджана под опекой журнала «Социологические исследования» создавалась общественная социологическая служба [Джамалова, Батыгин, 1982]. Социологи пытались избежать сервильности, чего требовал П. Федосеев.

Советская социология математизировалась. Разработка методов сбора первичной социологической информации и ее обработки стала толчком для попыток создания математической теории общества. Академик Н. Моисеев развивал идеи о нерефлексивности общественных систем и предполагал возможность модельного описания общественных процессов. Он ссылался на труды В. Ленина и на труды А. Богданова в равной мере. С его точки зрения, математизация социологии могла бы изменить язык и структуру социологической теории [Моисеев, 1981]. С. Хайтун пришел к выводу о негауссовой социальных

явлений и на основании этого сделал вывод: закрытые шкалы искажают описания социальных явлений [Хайтун, 1983]. Это лишь отдельные примеры наметившихся перспектив развития социологической теории. Но ленинское философское наследие к 1980-м гг. играло все меньшую роль в обосновании возможности социологии как науки и практической исследовательской деятельности в СССР. Чувствовалось охлаждение к социологии партийного и государственного истеблишмента; гаснет и общественный энтузиазм в отношении социологии. Следующий ее звездный час пробьет в перестройку.

Выводы. Марксистская социология в СССР – завершенный процесс. Речь не о невозможности марксистской социологии, речь о советской марксистской социологии. За время своего существования она прошла синусоидальную траекторию с двумя подъемами и спусками. В первой волне подъем был круче, а спуск равен катастрофе. И. Образцов пишет об этом этапе: «Главная его особенность – начало процесса институционализации данной научной отрасли, а затем постепенная утрата достигнутого ею статуса» [Образцов, 2017: 145]. Я бы дополнил: постепенная утрата статуса завершилась катастрофой. Социология вошла в виртуальный период существования. Во время второй волны начальный подъем был медленнее, затем появляется социологическое движение, в отрасль переходит много специалистов из других наук, и это придает динамику развитию. Понижение происходило неравномерно, но нуля не достигло, завершившись переходом процесса в новое качество.

Развитие марксистской социологии в СССР характеризовалось тем, что его эпистемологический фон задавало философское наследие В. Ленина, превращенное (А. Деборин, И. Луппол, Н. Карев и др.) в систему в результате экзегезы ленинских произведений. Освященным понятием «ленинского этапа в развитии марксистской философии», в целом она была враждебна социологии. Наиболее негативными для развития социологии факторами были гипертрофированный принцип партийности и столь же гипертрофированный классовый подход. Одним из скрепляющих моментов этой конструкции была ее антибогдановская направленность. Идеи А. Богданова превратились в нечто подобное темной ереси. Творческое развитие марксистской мысли в социологии было подавлено.

На первом этапе развития советской социологии существовал разрыв между теоретическим и эмпирическим уровнями исследований. Эмпирические исследования рассматривались как удел статистики, что было связано с неопределенностью предметного поля социологии, понимаемой как исторический материализм. Это предметное поле растягивалось между эпистемологически разными полюсами, с разными требованиями к самому знанию – между философией и наукой.

Крайне негативно на судьбе марксистской социологии сказалось ее существование в складках плаща власти. Социологи-марксисты считали власть своей, власть рассматривала их как обслужу. Отсутствие быстрых ощутимых результатов деятельности социологов порождало у представителей власти разочарование и пренебрежительное отношение к ученым. Задача сбора и обработки информации о состоянии дел в обществе властью была возложена на спецслужбы.

Трудно отделаться от мысли, что мы плохо понимаем мотивы поступков ученых того периода. В условиях дефицита научной деятельности споры порой конструировались. Речь не идет о периоде после 1934 г., когда страна погрузилась в многолетний массовый психоз. Речь о 1920-х гг., когда «диалектики» и «механисты» первоначально конструировали позицию противника, а потом сражались с ней, не слушая и не слыша соперника живого. Что касается второй половины 1930-х гг., здесь даже такие дискуссии стали невозможны. Как можно дискутировать интеллигентному А. Чижевскому с Э. Кольманом, обозвавшим его на страницах философского журнала «фашистской сволочью» [Кольман, 1936: 71]?

«Ленинский этап в развитии марксистской философии» остался фоном и для второй волны развития марксистской социологии в СССР, но он утрачивал карательный модус. Если на первом этапе социологи реально ориентировались на идеи К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, на втором этапе ориентиром стала гэллаповская социология в эмпирической

области, а в теории – структурный функционализм. Разрыв между теорией и эмпирией сохранился в пользу эмпирических исследований. Идейная преемственность первой и второй волн была слаба. Большинство творческих ученых предшествующей волны были уничтожены, их работы попали в спецхраны. Были люди, чувства к которым передали братья Стругацкие: «Они ходили среди нас с руками по локоть в крови, с памятью, гноящейся невообразимыми подробностями, с придушенной или даже насмерть задавленной совестью, – наследники выморочных квартир, выморочных рукописей, выморочных постов. И мы не знали, как с ними поступать» [Стругацкие, 1990: 195]. На втором этапе социология в СССР значительно дальше продвинулась к полной институционализации.

Кривая развития социологии в СССР была связана не с обстоятельствами науки, а с развитием страны. Во время сталинской революции социология стала для власти нежелательной, так как был взят курс на волонтаристское решение проблем и предельное насилие к гражданам. Поникающаяся линия второй волны тоже появилась из-за проблем власти. В стране назревал социально-экономический кризис. Власть боялась вольнодумства социологов, которое могло стать основой выработки альтернативных платформ развития общества: был опыт Венгрии, Чехословакии, Польши. Развитие социологии после катастрофы социализма и распада СССР не ликвидировало разрыва между эмпирическим и теоретическим уровнями науки. Он увеличился. Но это проблема, требующая специального разговора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Большаков А.М. Деревня. 1917–1927. С предисл. М.И. Калинина и ак. С.Ф. Ольденбурга. М.: Работник просвещения, 1927.
- Бухарин Н.И. Этюды. М.: Гос. технико-теорет. изд-во, 1932.
- Воля советского народа // Под знаменем марксизма. 1936. № 8. С. 1–12.
- Джамалова Д.Д., Батыгин Г.С. Социологическая служба горкома // Социологические исследования. 1982. № 1. С. 51–59.
- Дискуссия о марксистском понимании социологии // Историк-марксист. 1929. Т. 12. С. 189–213.
- Дубинская И.Н. Рабочие кадры каменноугольной промышленности Донбасса. Итоги переписи 1929 г. Харьков: Союзуголь, 1930.
- Дунаевский Ф.Р. Проблема профессионального подбора (выбор профессии). Харьков: Институт труда, 1923а.
- Дунаевский Ф.Р. Профессиональный подбор и его социальный смысл. Методология профессионального подбора. Харьков: Путь просвещения; Институт труда, 1923б.
- Жизнь современного украинского студенчества по данным переписей и других обследований. Харьков: Червоний шлях, 1924.
- История становления советской социологической науки в 20–30-е годы / Отв. ред. З.Т. Голенкова, В.В. Витюк. М.: ИС АН СССР, 1989.
- Колосов В.А. Социология как наука: дискуссии в отечественной литературе 20-х – начала 30-х годов XX века. Архангельск: Архангельский гос. тех. ун-т, 2004.
- Кольман Э. Черносотенный бред фашизма и наша медико-биологическая наука // Под знаменем марксизма. 1936. № 11. С. 64–72.
- Константинов Ф. Социалистическое общество и исторический материализм // Под знаменем марксизма. 1936. № 12. С. 45–66.
- Копнин П.В. Введение в марксистскую гносеологию. К.: Наукова думка, 1966.
- Копнин П.В. В.И. Ленин и материалистическая диалектика. К.: Политиздат Украины, 1969а.
- Копнин П.В. Диалектика как логика. К.: Изд-во Киевского ун-та, 1961.
- Копнин П.В. Диалектика, логика, наука. М.: Наука, 1973.
- Копнин П.В. Логические основы науки. К.: Наукова думка, 1968.
- Копнин П.В. Проблемы диалектики как логики и теории познания. М.: Наука, 1982.
- Копнин П.В. Философские идеи В.И. Ленина и логика. М.: Наука, 1969б.
- Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938 / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1988.
- Кучинский Ю. Социологические законы // Вопросы философии. 1957. № 5. С. 95–100.
- Лупплол И.К. Выводы и уроки // Под знаменем марксизма. 1936. № 11. С. 181–192.
- Лупплол И.К. Ленин и философия. К вопросу об отношении философии к революции. 3-е изд. М.-Л.: Госиздательство, 1930.

- Массовая работа ВУАМЛИН. В Институте философии // Под марксо-ленинским знаменем. К.: Партиз-
дат ЦК КП(б)У, 1934. № 3–4. С. 124–125.
- Миттельман М.И. Вопрос фиксации наблюдений и центробрафический метод // Плановое хозяйство.
1929. № 10. С. 117–141.
- Михайличенко Д.Ю. Всеукраинский институт труда и становление харьковской школы научного ме-
неджмента (1921–1930) // Гілея. Науковий вісник. Київ, 2012. С. 100–106.
- Михеев В. Потребление алкоголя рабочими и служащими г. Москвы // Плановое хозяйство. 1929.
№ 6. С. 289–317.
- Моисеев Н.Н. Математика в социальных науках // Математические методы в социологическом иссле-
довании. Отв. ред. Т.В. Рябушкин. М.: Наука, 1981. С. 10–24.
- Нарский И.С. Об историческом материализме как марксистской социологии // Вопросы философии.
1959. № 4. С. 119–127.
- Немчинов В.С. Социология и статистика // Вопросы философии. 1955. № 6. С. 19–30.
- Немчинов В.С. Статистика как наука // Вопросы экономики. 1952. № 10. С. 100–116.
- Образцов И.В. Социологические исследования в РККА в 1920-е гг. // Социологические исследования.
2017. № 12. С. 144–155. DOI: 10.7868/S0132162517120145.
- Образцов И.В. Статистические обследования в Красной Армии в 1920-е годы // Социологические ис-
следования. 2018. № 2. С. 45–54. DOI: 10.7868/S013216251802006X.
- Осипов Г.В. Возрождение социологии в России: как это было на самом деле. СПб.: СПбГУП, 2010.
- Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е перераб. изд. М.: ИС РАН, 1998.
- Сталин И.В. О диалектическом и историческом материализме. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1945.
- Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Хромая судьба. Хищные вещи века. М.: Книга, 1990.
- Тощенко Ж.Т. Социология жизни как теоретическая концепция // Социологические исследования.
2015. № 1. С. 106–116.
- Федосеев П.Н. К вопросу о предмете марксистско-ленинской социологии // Социологические иссле-
дования. 1982. № 3. С. 27–29.
- Филиппова Н. Питание городских рабочих в 1918 г. // Организация труда. 1921. Кн. 2. С. 62–66.
- Фирсов Б.М. История советской социологии: 1950–1980-е годы. Очерки. 2-е изд. СПб.: ЕУ в СПб., 2012.
- Хайтун С.Д. Негауссность социальных явлений // Социологические исследования. 1983. № 1.
С. 144–152.
- Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной
реальности. 7-е изд. М.: Добросвет, 2003.

Статья поступила: 20.09.19. Финальная версия: 10.02.20. Принята к публикации: 30.03.20.

SOCIOLOGY IN THE USSR (Late 1920–1980s): CHANGING CONVENTIONS AND EXEGESIS OF LENIN'S THEORETICAL LEGACY

KONONOV I.F.

The Luhansk Taras Shevchenko National University, Ukraine

*Ilia F. KONONOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of the Department of Philosophy and Sociology of the
Luhansk Taras Shevchenko National University, Starobilsk, Ukraine (kononov_if@ukr.net).*

Abstract. The article analyzes the role of Lenin's philosophical heritage in the fate of Soviet Marxist sociology over the time span from the Stalin's "revolution from above" to the Perestroika and collapse of socialism in the USSR. It was established that sociology in the Soviet Union was moving along a trajectory similar to a sinusoid. In general, it faced two ups and downs. These two stages differed from each other quite significantly. At the first stage, sociology was considered a basically theoretical science. Tasks of obtaining empirical data on wellbeing of society and its systems were incumbered upon statistics. They believed that this information is generalized by various social sciences, including sociology. The first stage ended with official recognition of historical materialism by Marxist sociology, but in real teaching practice it was considered a part of Marxist philosophy. Moreover, it was turned into a dogmatic ideological doctrine. The second stage of the development of Marxist sociology in the USSR begins with the revival of interest in the party and state elite for applied empirical information. This happened after the Twentieth Congress of the Communist Party, when elites split into pragmatists and conservatives. Since the early 1960s a public sociological movement materialized in the USSR by establishing sociological laboratories at universities. The most important part in achieving a new

consensus regarding understanding of subject and functions of sociology was played by new exegesis of the Lenin's philosophical texts done by P.V. Kopnin. This scholar presented Marxist philosophy as an open theoretical system, capable of development in accordance with needs of the moment and dialogically open to other philosophical fields. The intrascientific consensus rested on the concept of a three-level structure of Marxist sociology. Mathematization of the discipline was taking place, paving way for a new method of theorizing.

Keywords: Lenin's stage in the development of Marxist philosophy, Marxist philosophy, exegesis, P.V. Kopnin, historical materialism, empirical research, statistics, mathematization of sociology.

REFERENCES

- Bolshakov A.M. (1927) *Village. 1917–1927*. With the preface by M.I. Kalinin and academic S.F. Oldenburg. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya. (In Russ.)
- Bukharin N.I. (1932) *Etudes*. Moscow: Gos. tekhniko-teoret. izd-vo. (In Russ.)
- Cohen S. (1988) *Bukharin. A Political Biography. 1888–1938*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Discussion on the Marxist Understanding of Sociology. (1929) *Istorik-marxist* [Marxist Historian]. Vol. 12: 189–213. (In Russ.)
- Dubinskaya I.N. (1930) *Workers in the Coal Industry of Donbass. The Results of the Census of 1929*. Kharkov: Soyuzugl'. (In Russ.)
- Dunaevsky F.R. (1923b) *Professional Selection and its Social Meaning. Professional Selection Methodology*. Kharkov: Put' prosveshcheniya; Institut truda. (In Russ.)
- Dunaevsky F.R. (1923a) *The Problem of Professional Selection (Occupational Choice)*. Kharkov: Institut truda. (In Russ.)
- Dzhamalova D.D., Batygin G.S. (1982) Sociological Service of the City Committee. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 51–59. (In Russ.)
- Fedoseev P.N. (1982) On the Subject of Marxist-Leninist Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 27–29. (In Russ.)
- Filippova N. (1921) Nutrition of Urban Workers in 1918. *Organizatsiya truda* [Labor Management]. Book 2: 62–66. (In Russ.)
- Firsov B.M. (2012) *The History of Soviet Sociology: 1950–1980s: Essays*. 2nd ed. St. Petersburg: EU v SPb. (In Russ.)
- Golenkova Z.T., Vitiuk V.V. (eds) (1989) *The History of Soviet Sociological Science in the 20–30s*. Moscow: IS AN SSSR. (In Russ.)
- Kolosov V.A. (2004) *Sociology as a Science: Discussions in Russian Literature of the 1920s and Early 1930s*. Arkhangelsk: Arkhangel'skiy gos. tekhn. un-t. (In Russ.)
- Konstantinov F. (1936) Socialist Society and Historical Materialism. *Pod znamenem marxizma* [Under the Banner of Marxism]. No. 12: 45–66. (In Russ.)
- Kopnin P.V. (1961) *Dialectics as Logic*. Kiev: Izd-vo Kievskogo un-ta. (In Russ.)
- Kopnin P.V. (1973) *Dialectics, Logic, Science*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Kopnin P.V. (1966) *Introduction to Marxist Gnoseology*. Kiev: Naukova Dumka. (In Russ.)
- Kopnin P.V. (1968) *Logical Foundations of Science*. Kiev: Naukova Dumka. (In Russ.)
- Kopnin P.V. (1969b) *Philosophical Ideas of V.I. Lenin and Logic*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Kopnin P.V. (1982) *Problems of Dialectics as a Logic and Theory of Knowledge*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Kopnin P.V. (1969a) *V.I. Lenin and Materialist Dialectics*. Kiev: Politizdat Ukrayiny. (In Russ.)
- Kuchinsky J. (1957) Sociological Laws. *Voprosy Filosofii*. No. 5: 95–100. (In Russ.)
- Luppold I.K. (1936) Conclusions and Lessons. *Pod znamenem marxizma* [Under the Banner of Marxism]. No. 11: 181–192. (In Russ.)
- Luppold I.K. (1930) *Lenin and Philosophy. Revisiting the Relation of Philosophy to Revolution*. 3rd ed. Moscow-Leningrad: Gosizdatel'stvo. (In Russ.)
- Mass Work of WUAMLIN. At the Institute of Philosophy. (1934) *Pod marxo-leninskym znamenem* [Under the Marx-Leninist Banner]. Kiev: Partizdat TSK KP(b)U. No. 3–4: 124–125. (In Russ.)
- Mikhaylichenko D.Yu. (2012) All-Ukrainian Institute of Labor and the Establishment of the Kharkov School of Scientific Management (1921–1930). *Gileya. Naukovyj visnyk*. Kiev. Iss. 60: 100–106. (In Russ.)
- Mikheev V. (1929) Alcohol Consumption by Workers and Employees of Moscow. *Planovoye hozyaystvo* [Planned Economy]. No. 6: 289–317. (In Russ.)
- Mitelman M.I. (1929) The Fixation of Observations Problem and the Centographic Method. *Planovoye hozyaystvo* [Planned Economy]. No. 10: 117–141. (In Russ.)
- Moiseev N.N. (1981) Mathematics in the Social Sciences. In: Ryabushkin T.V. (ed.) *Mathematical Methods in a Case Study*. Moscow: Nauka: 10–24. (In Russ.)

- Narskiy I.S. (1959) On Historical Materialism as a Marxist Sociology. *Voprosy Filosofii*. No. 4: 119–127. (In Russ.)
- Nemchinov V.S. (1955) Sociology and Statistics. *Voprosy Filosofii*. No. 6: 19–30. (In Russ.)
- Nemchinov V.S. (1952) Statistics as a Science. *Voprosy Ekonomiki*. No. 10: 100–116. (In Russ.)
- Obraztsov I.V. (2017) Sociolinguistic Studies in the Worker-and-Peasant Red Army in the 1920s. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 144–155. DOI: 10.7868/S0132162517120145. (In Russ.)
- Obraztsov I.V. (2018) Statistical Inspections in the Red Army in the 1920s. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 45–54. DOI: 10.7868/S013216251802006X. (In Russ.)
- Osipov G.V. (2010) *Revival of Sociology in Russia: How it Really Was*. St. Petersburg: SPbGUP. (In Russ.)
- Stalin I.V. (1945) *On Dialectical and Historical Materialism*. Moscow: OGIZ; Gospolitizdat. (In Russ.)
- Strugatsky A.N., Strugatsky B.N. (1990) *Lame Fate. Predatory Things of the Century*. Moscow: Kniga. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2015) Sociology of Life as a Theoretical Conception. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 106–116. (In Russ.)
- The Life of Modern Ukrainian Students according to Censuses and Other Surveys*. (1924) Kharkov: Chervoniy Shlyakh. (In Russ.)
- The Will of the Soviet People*. (1936) Pod znamenem marxizma [Under the Banner of Marxism]. No. 8: 1–12. (In Russ.)
- Yadov V.A. (ed.) (1998) *Sociology in Russia*. 2nd rev. ed. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Yadov V.A. (2003) *Sociological Research Strategy. Description, Explanation, Understanding of Social Reality*. 7th ed. Moscow: Dobrosvet. (In Russ.)

Received: 20.09.19. Final version: 10.02.20. Accepted: 30.03.20.